

ISSN 1026-8804

РОССИЯ И АТР

RUSSIA AND THE PACIFIC



2009

ВЛАДИВОСТОК

№ 2



ИЗДАЁТСЯ
ИНСТИТУТОМ
ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ
И
ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ
ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА
ДАЛЬНЕ-
ВОСТОЧНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ
НАУК

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Н.М. Елизаров.** Консульская служба России. К 200-летию Консульского департамента МИД Российской Федерации 5
- А.А. Бреславец.** Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество: система интеграционных процессов, роль и национальные интересы стран-участниц 18
- А.Л. Лукин.** Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: теоретические подходы и концепции 33
- О.А. Тимофеев.** Модели интеграции в Восточной Азии: влияние Китая и позиция США 48
- Е.А. Русецкий.** Действия администрации Республики Корея по увеличению экспорта вооружений в условиях мирового финансового кризиса. 64
- М.А. Гузев, Е.Ю. Никитина.** Применение математических методов при исследовании криминологических данных (на примере Японии). 77

ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

- В.Н. Чернавская.** Участник Второй Камчатской экспедиции Беринга (К 300-летию со дня рождения Г.В. Стеллера (Штеллера) (10.03.1709—12.11.1746) 86
- С.Н. Савченко.** Амурское казачье войско и борьба за власть между адмиралом А.В. Колчаком и атаманом Г.М. Семёновым (ноябрь—декабрь 1918 г.) 93
- Д.А. Кузнецов.** Организация охраны правопорядка и борьба с преступностью на Южном Сахалине (1945—1950 гг.) 101

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Н.П. Рябченко.** Китайские реформы на весах истории: предварительный анализ 110

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

- К.С. Сиденко, С.А. Голобоков.** Автономные необитаемые подводные аппараты — носители минного оружия 119

ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ

- М.В. Бондарь.** Роль музыкального искусства в интеграции Дальнего Востока России в геокультурное пространство Азиатско-Тихоокеанского региона 131
- П.Ю. Самойленко.** Региональные библиотеки как ресурс информационной безопасности Дальнего Востока России 142

Л.А. Васильева. Политические мифы тоталитарного общества	148
Т.В. Краюшкина. Специфика выражения эмоций (на материале русских народных волшебных сказок Дальнего Востока)	159
Ю.В. Совастеева. Школа Утагава и её место в истории японского искусства	165
Д.Д. Мишукова. Традиционные праздники, королевские и религиозные церемонии в современном Таиланде	168

РЕЦЕНЗИИ

А.И. Коваленко. Русские казаки в Забайкалье	182
В.В. Совастеев, П.Л. Горбенко. Менталитет и традиции Японии	184
Н.А. Беляева, П.Ф. Бровко. На Хоккайдо в Хакодате перепутаны все даты... ..	187

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

В.Г. Макаренко. 38-я Научная годовичная сессия Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН	192
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **В.Л. Ларин** (главный редактор), **Л.И. Галлямова** (заместитель главного редактора), **Л.Г. Вечерская** (ответственный секретарь), **А.Л. Ивлиев**, **В.В. Кожевников**, **Н.Н. Крадин**, **Б.И. Мухачёв**, **В.В. Подмаскин**, **Н.П. Рябченко**, **О.И. Сергеев**.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС ЖУРНАЛА: 79865

Учредители: Дальневосточное отделение Российской академии наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Адрес редакции: 690001, Владивосток, Пушкинская, 89,
 телефон 22-59-20. Электронный адрес института: ihae@eastnet.febras.ru;
 электронный адрес редакции: rihist@bk.ru.

Редактор электронной вёрстки **А.С. Иванов**
 Корректор **В.К. Форостовская**
 Корректор-переводчик **В.Н. Чернавская**
 Электронная правка **Л.М. Шуркаева**

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Свидетельство о регистрации — серия ПИ № 20-0039,
 выданное Приморским территориальным управлением МПТР РФ 20.06.2000 г.

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001 г.
 Сдано в набор 20.02.2009 г. Подписано к печати 15.05.2009 г.
 Формат 70×108/16. Бумага тип. № 1. Печать офсетная.
 Гарнитура «Таймс». Объем 17,5 усл. печ. л., 14,26 уч.-изд. л. Заказ № 15.
 Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН,
 690041, Владивосток, ул. Радио, 7.



EDITOR
THE INSTITUTE
OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY
AND
ETHNOGRAPHY
OF THE
PEOPLES
OF THE
FAR EAST,
RUSSIAN
ACADEMY
OF SCIENCES,
FAR EASTERN
BRANCH

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

N.M. Elizarov. Consular Service of Russia. To the 200th Anniversary of Consular Department of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 5

A.A. Breslavets. Asia-Pacific Economic Cooperation: the System of Integration Processes, Role and National Interests of Countries-Participants 18

A.L. Lukin. International Relations in Asia-Pacific Region: Theories and Models 33

O.A. Timofeev. Models of Integration in East Asia: China's Influence and the U.S. Attitude 48

E.A. Rusetsky. Reactions of Administration of the Republic of Korea on Increasing Arms Export During World Financial Crisis 64

E.Yu. Nikitina, M.A. Guzev. Rank Analysis of Criminological Data 77

HISTORY OF THE RUSSIAN FAR EAST

V.N. Chernavskaya. A Participant of the Second Kamchatka Expedition of V. Bering (To the 200th Anniversary of Birthday of G.V. Steller (Shteller) (10.03.1709—12.11.1746) 86

S.N. Savchenko. The Amur Cossack Army and the Struggle for Power between Admiral A.V. Kolchak and Ataman G.M. Semyonov (November—December 1918) 93

D.A. Kuznetsov. Organization of Maintaining Order and Fighting Against Crimes in the Southern Sakhalin 101

COUNTRIES OF EAST ASIA: HISTORY, ECONOMY,
SOCIAL PROBLEMS

N.P. Ryabchenko. Chinese Reforms on History Scales: a Preliminary Analysis 110

FROM MILITARY HISTORY

K.S. Sidenko, S.A. Golobokov. Autonomous Unmanned Submersibles are Mine Carriers 119

POLITICS, CULTURE, TRADITIONS

M.V. Bondar'. The Part of Musical Art in Integration of the Russian Far East in Geocultural Space of the Asian-Pacific Region 131

P.Yu. Samoilenko. Regional Libraries as a Resource of Information Security of the Far East of Russia 142



L.A. Vasilieva. Political Myths of Totalitarian Society	148
T.V. Krayushkina. The Specificity of Emotion Expression (on the Material of Russian Folk Fairy Tales of the Far East)	159
Yu.V. Sovasteeva. Utagawa School and its Part in History of Japan Arts	165
D.D. Mishukova. Traditional Holidays, Royal and Religious Ceremonies in Modern Thailand	168

REVIEWS OF BOOKS

A.I. Kovalenko. Russian Cossacks in Transbaikalia	182
V.V. Sovasteev, P.L. Gorbenko. Mentality and Traditions of Japan	184
N.A. Belyaeva, P.F. Brovko. On Hokkaido in Hakodate All Dates are Mixed up... ..	187

ACADEMIC CHRONICLE

V.G. Makarenko. The 38th Academic Annual Session of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences	192
--	-----

EDITORIAL BOARD: **V.L. Larin** (Editor-in-Chief), **L.I. Gallyamova** (Deputy Editor-in-Chief), **L.G. Vecherskaia** (Secretary-in-Chief), **A.L. Ivliev**, **V.V. Kozhevnikov**, **N.N. Kradin**, **B.I. Mukhachov**, **V.V. Podmaskin**, **N.P. Riabchenko**, **O.I. Sergeev**.

SUBSCRIPTION INDEX: 79865

Founder: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch.

Address: 89 Pushkinskaia St., Vladivostok 690001, Russia.
 Telephone: 22-59-20. E-mail of institute: ihae@eastnet.febras.ru.
 E-mail of the Editorial Board: riohist@bk.ru.

Electronic computer make up by **A.S. Ivanov**.
 Corrector **V.K. Forostovskaia**.
 Corrector-translator **V.N. Chernavskaia**.
 Electronic type-setters **L.M. Shurkaeva**.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Papers are not reviewed and not given back.

Certificate on registration of the journal ser. PI No.20-0039,
 given by Primorye territorial administration Russian Federation 20.06.2000.

Licence LP No.05497 from 01.08.2001.
 Sent to the press: 20.02.2009; "Passed for printing": 15.05.2009.
 Format: 70×108/16; Paper No.1; Offset Printing;
 Type "Times"; Volume: 17,5 printer sheets; 14,26 printer's sheet;
 Circulation: 300; Order No.15; Price by contract.

Printing: "Dalnauka" Press. 7 Radio St.,
 Vladivostok, 690041, Russia.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА



Людмила Алексеевна ВАСИЛЬЕВА,
профессор ДВГУ

В политическом процессе миф выступает как совокупность иррациональных, некритических, относительно оторванных от действительности состояний сознания интерпретаций ряда исторических концепций, устойчивых представлений. Политическим мифом мы называем хранящийся в памяти народа опыт, связанный с действием институтов его самоорганизации и управления, направленный на укрепление того или иного общественного строя, политического процесса. Поэтому, если попытаться разложить современные политические мифы на их составные части, то обнаружится, что они не содержат ни одной новой черты и все были уже достаточно хорошо известны. Но, чтобы превратить старые идеи в мощное политическое оружие, требуются инструменты не только мыслей, но и действий. Необходимо было разработать новую технику. Эта техника производила бы каталитический эффект, убыстряла все реакции и придавала их действию максимальную эффективность. Почва для мифа XX в. была подготовлена давно, он не мог родиться без умелого использования новых технических средств. Современный человек подвержен действию страстей и, когда они достигают своей кульминации, попадает под влияние самых иррациональных порывов. Но чтобы верить, он должен найти основания веры.

Политический миф по своей природе историчен, по своей структурно-функциональной предназначенности в обществе полидоктринален. В нём всегда имеется онтологическая доктрина, объясняющая, как устроен мир, гносеологическая поясняет, как принципиально необходимо познавать мир. Признание политического мифа сопровождается ритуалом отречения. Так, в памяти современного поколения болезненно протекает ритуал глобального отречения от идеалов социализма в его российской интерпретации.

Основу политического мифа составляют архетип какой-либо ситуации, связанной с осуществлением мер социального регулирования; содержание конкретного опыта, полученного в ситуациях, объединённых данным архетипом; система иносказательных образов. Поэтому основное предназначение политического мифа — борьба за власть, легитимизацию этой власти, осуществление политического господства. Политический миф всегда стремится быть похожим на правду, он является инструментом, позволяющим манипулировать массами, фундаментом для выработки политической идеологии существующего режима. Часто миф остаётся на уровне смысло-

вого фона, интерпретационного контекста. Наличие такого контекста позволяет индивиду, группе или обществу в целом осуществлять совместную деятельность, несмотря на различие целей и мотивировок. От мира миф получает историческую реальность, «...в конечном счёте всегда определяемую тем, как сами люди её создавали, либо использовали; миф уже отражает эту реальность в виде природного образа»¹. Можно утверждать, что тоталитаризм овладевал умами не только потому, что насаждался с помощью репрессий, но и потому, что активно использовал историческую память людей.

Миф внедрялся в сознание граждан и полностью владел ими. Бытие индивидов наполнялось большим количеством новых ритуалов, суровых и неотвратимых. Например, неотвратимости победы социализма над капитализмом в объективном характере выведенных Марксом законов исторического развития. Его Ленин возвёл до уровня универсального символа, архетипа, который обладал наибольшим постоянством и действительностью, максимальным потенциалом для психоаналитической эволюции. К.Г. Юнг называет это явление психологическим механизмом, преобразующим энергию в символ, который придаёт архетипу дополнительное значение, напрямую связывая его со структурой психики. Он утверждал: «Архетипы представляют собой нуминозные, структурные элементы психики и обладают определённой автономией, а также психической энергией, дающей им возможность притягивать из сознательной части души наиболее подходящие для них содержания. Символы действуют в качестве преобразователей, их функция состоит в том, чтобы превращать «низшую» форму либидо в «высшую».

Очевидно, что речь идёт не об унаследованных идеях, но о врождённой предрасположенности вырабатывать параллельные образы, или, скорее, об идентичных психических структурах, общих для всех людей, которые я позднее назвал архетипами коллективного бессознательного. Они соответствуют понятию «схемы поведения» в биологии». «Архетипы не представляют чего-либо внешнего, непсихического, хотя они, конечно, обязаны конкретностью своей образности впечатлениям, полученным извне. Скорее, независимо от внешних форм, которые они приобретают, иногда даже по прямому контрасту с этими формами они представляют жизнь и сущность наиндивидуальной души (психики)». Иными словами, существует область, промежуточная между единичностью и одиночеством индивидуальной души и разнообразием Вселенной: между *res cogitans* и *res extensa* («мыслящей вещью» и «протяжённой вещью») Декарта; эта область есть образ мира в душе и образ души в мире — «место действия» символизма в сферах, подготовленных для этого архетипами, каковые присутствуют всегда, а «проблема лишь в том, воспринимает их сознание или нет»². Повторение архетипа, как отмечает М. Элиаде, есть единственно правильный способ прикосновения к сакральному: «Предмет или действие становятся реальными лишь в той мере, в какой они имитируют или повторяют архетип»³. Архетипы задавали основы системного

восприятия мира, собственной личности и других людей, они нейтральны в отношении категорий добра и зла.

Функциями политического мифа являются: а) хранение совокупного политического опыта в иносказательной форме, соотносящей его с представлениями об абсолютной стабильности; б) воспроизведение данного опыта в политическом процессе; в) соотнесение желаний и потребностей общества, отдельных социальных групп и народа с совокупным опытом, обобщённым до уровня архетипов.

Среди наиболее распространённых элементов мифологического сюжетосложения, используемых в политическом мифе, следует отметить:

Мифологема башни. Величайшие учёные и мыслители часто наделяются качествами, выводящими их за пределы человеческих ограничений. Гений — это уже не человек, но ещё и не всеведущий ангел, поэтому он не должен жить ни на земле, ни на небе. Самое подходящее место для уединения мудреца — башня — ни земля, ни небо. Человек в башне удаляется от мирского и приближается к божественному⁴.

Мифологема горы. Теме горы задавались свои параметры, где её основание воспринималось как начало пути, на котором человек может возвыситься до божественного. Величайшим символом горы после смерти Ленина становится мавзолей, к вершине которого допускались избранные.

Мифологема звезды. Она олицетворяет во многих культурах такую ценность, как надежда, которая умирает последней. Знак того, что человек куда-то стремится, хочет превзойти самого себя. С другой стороны, этот образ ассоциируется с некой скрытой негативностью. Сила тяготения звёзд в тоталитарном обществе представляется как узы, стягивающие живой микрокосм в микрокосме. Она также символизирует харизматическую энергию и мощь одной личности.

Мифологема золота. «Но он знает путь мой; пусть испытает меня — выйду, как золото». [Иов, 23, 10]. Драгоценный металл, ценимый за то, что не ржавеет. Эзотерически — знак мудрости и знания, знак света. Волхвы поднесли новорождённому Иисусу золото вместе с ладаном и миртой.

Мифологема — «символическое рождение». Данный образ активно использовался в связи с началом каких-то действий: пуск прокатного стана, нового цеха, завода.

Мифологема земли. Она великая мать, дающая и отнимающая жизнь. (Родина-мать, Мать-земля).

Мифологема знамени. Во время войн Красное знамя было символом не только пролитой крови рабочих и крестьян, но и знаком воинских подразделений Красной, а потом и Советской армии. Если знамя захватывалось, то полк расформировывался.

Мифологема крови. С древних времён кровь — это символ души и жизненных сил. Она тесно взаимодействует с огнём и солнцем, замыкает собой цветовой ряд в хроматическом аспекте.

Мифологема имени. В политическом процессе индивид редуцируется к своей функции не только в феноменальной сфере. Тотальная идеология

не могла не затронуть и сферу ноуменальную, особенно такую её важную часть, как теория имени и его влияния на человека. Для этого смещается акцент с личного имени, данного при рождении, на инициатическое, добываемое в посвящении (Ленин, Сталин). Личное имя становилось простым идентификатором, о нём заботиться уже было не нужно, зато имя общественное стало чрезвычайно ранимым, требующим постоянного самопожертвования для поддержания его чистоты. («Если тебе — комсомолец имя, имя крепи делами своими»).

Мифологема огня. Символика огня получила глубинное измерение, поскольку огонь есть метафора для описания самого Бога (Яхве — огонь рождающий).

Мифологема руки. В индийской традиции многорукие боги и богини имели знак многократного усиления могущества и силы. В тоталитарной живописи, графике и скульптуре рука, как правило, находилась на переднем плане.

Мифологема отца. В древнем мире вопрос о жизни и смерти новорождённого решал отец. Если отец брал его на колени, то ребёнок принимался в семью, и отец соглашался взять на себя заботу о нём. Дети, которые не признавались, подкидывались или умерщвлялись. Известно изображение на хеттском золотом кубке Исхаланлу 1100 до р.х. — акушерка протягивает ребёнка отцу, чтобы тот взял его на колени. К патрициям в Риме принадлежали лишь те, кто мог назвать имя своего отца, плебеи вели свой род от матери.

Мифологема серпа. Серп Луны (убывающей и нарастающей) — символ разрушительной работы времени. Безносая и костлявая смерть изображается с серпом или косой. Серп — орудие крестьянского труда. Серп и молот — эмблема пролетарского государства. Расчленение единства серпа и молота — явный отход от догматов партии. Подобная ересь резко осуждалась идеологами.

Мифологема солнца. Героический образ, король неба, Солнце сообщает энергию всем планетам. Ядро солнечного символизма — героическая или отважная сила, творческая и направляющая. Солнце поддерживает жизнь в явленном мире.

Мифологема цвета (белый, красный, чёрный). В символике алхимического цвета четыре этапа алхимического процесса обозначались четырьмя цветами: чёрным (*nigredo* или эфиоп) — состояние «первичной материи» — символ души в исходном греховном состоянии, в начале работы, знак господства низших сил, а также символ теневой или тёмной стороны личности по Юнгу. Белый цвет означал простейшую работу, первое превращение полученного металла в ртуть. Красный цвет — знак страсти, его вещество — сера. И конечный этап — получение золота, или философского камня, именовавшегося также эликсиром.

Психологически чёрный соответствует стадии сомнения и раскаяния; белый — просветлению, восхождению, откровению и прощению; красный обозначает страдание, возвышение и любовь. Красный цвет становится

цветом Октябрьской революции («Красный рыцарь» прошёл проверку всеми возможными испытаниями, окровавленный в битвах, которые только можно себе представить, обладающий высшей мужественностью, победитель всего, что можно победить, осуществляя цель своей жизни, достоин награды — золота в его предельной трансмутации — прославления и возвеличивания⁵.

Мифологема о сотворении мира. («Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем»).

Солярные мифы, построенные на аналогии солнечного совершенства («И солнце свободы взойдёт над нашей страной»).

Тоталитарные мифы не подлежали критике и носили характер религиозно-революционных символов, на их основе давалось рациональное объяснение всех общественных событий, а идеология носила обязательный для всех характер и была проникнута патерналистским духом, покровительственным отношением вождей, постигших социальную истину к непросвещённым массам. Тоталитарный мир стремился не просто к знакам, а к суперзнакам. Это воплощалось в действиях. Глава государства И. В. Сталин, обосновывая принятый курс на резкое усиление темпов роста, утверждал: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы можем пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁶. Мифы в тоталитарном государстве являлись условием искусственно ограниченного информационного поля, а процесс создания политического мифа совмещал в себе два аспекта: взгляд из прошлого или в прошлое (диахронический аспект) и средство объяснения настоящего (синхронический аспект). Например, все достижения советского государства сравнивались только с данными статистики 1913 г.

В начале XX в. русская идея была скомпрометирована последним императором, его «несчастливым» царствованием от имени Христа. Несколько лет в России продолжались стихийные бунты против государства. Большевики, точно оценившие ситуацию, боролись за историческую русскую правду, воскрешая в сознании народа образы минувшего, былой славы русского народа. С их приходом в сознание народных масс активно внедрялся миф о былом величии России.

Свержение монархии в условиях ещё не сформировавшейся и не устоявшейся республики объективно вело к вакууму власти. Реальную же власть может взять в свои руки только какая-то группа, способная заполнить этот вакуум и прекратить хаос. Политические мифы, рождённые тоталитарным режимом, отличались примитивизмом, компактностью, были легко обозримы, замкнуты и просты для понимания. Человек — существо несовершенное, его легко увлечь лживыми посулами, заставить уверовать в фальшивых идолов, в коммунистическое будущее. Народные массы приняли швондеровский популизм. В новой мифосистеме всё было перевёрнутым: пространство и время, визуальное и вербальное пространство, категории сознания. Культовой стала фигура человека от станка, от сохи («каждая кухарка может управлять государством!», «кто был ничем, тот станет всем!»).

Пришедшему к власти тоталитаризму, по справедливому мнению Ханны Арендт, «становится всё труднее сохранить характерное пренебрежение к фактам, строгую приверженность к правилам вымышленного мира, хотя эти установки остаются для него так же существенны, как и прежде, и тоталитаризм, придя к власти, должен постоянно отвечать на вызов реальности»⁷.

Политический миф пронизывал всю жизнь общества и напоминал библейский, где «Миф о православном царстве» возрождается в мифе о первом социалистическом государстве. Другими политическими мифами нового режима становятся:

- 1) *миф о свободном государстве* («Власть — народу!», «Земля — крестьянам!»);
- 2) *миф о самообожествлении народа* («Глас народа — глас божий!»);
- 3) *миф героя*.

Миф о свободном государстве — один из самых ярких политических мифов тоталитарной системы. Свободное государство — это существо обожествлённое и одушевлённое. Оно всегда в динамике, поддерживает интересы своих граждан.

Основные клише тоталитарной пропаганды: «Единый и нерушимый Советский Союз», «Меч революции карает изменников Родины», «Слава героям (труда, воинам, колхозных полей)» и др. Заботливо радеющее о своих гражданах государство — прямой образ материнского символа. «Мать», отмечает К. Юнг, является также символом коллективного бессознательного, ночной стороны существования — источника Воды Жизни: Именно мать первой питает тот образ Анимы (души), который мужчина предположительно проецирует на женщину, переходя от матери к сестре и, наконец, к любимой. Преимущественно материнская социальная модель — матриархальное общество — характеризуется, по Бахофену, особым подчёркиванием кровного родства, преданностью земле и пассивным принятием природных явлений»⁸. Это последнее, «преданность земле», «пассивное принятие явлений», в полную меру эксплуатировалось идеологами тоталитаризма («Любовь к Родине сильнее смерти», «Нет земли краше, чем Родина наша», «Велика святорусская земля, и везде солнышко» и др.). В первые дни Великой Отечественной войны «материнское начало» с высочайшим пропагандистским успехом было материализовано в плакате «Родина-мать зовёт!».

Другой пропагандистски наполненный и умело встроенный в политическую структуру миф — самообожествление народа. Для мифологического и идеологического обоснования режима большевики внушали народу веру в то, что он сам и есть «богоносец», а в своих прямых избранников — как в «богоизбранных слуг».

В новой политической мифологии также постоянно присутствует миф героя. Только акценты с героев Гражданской войны постепенно смещаются на героев труда. Миф о герое является наиболее распространённым и известным. Его притягательность очевидна, а психологическое значение

менее очевидно, но не менее значимо. Героические мифы совсем не похожи в деталях, но весьма сходны по структуре. У них единая композиция. Каждый раз мы читаем о чудесном рождении героя в семье скромного достатка, о ранних свидетельствах его нечеловеческой силы, трудолюбия, о быстром продвижении к славе или к власти, о его битвах с силами зла и их разгроме, о его гибели из-за предательства или в результате героической жертвы. По мнению К.Г. Юнга, «...подобная модель имеет определённое психологическое значение для человека, стремящегося раскрыть и утвердить свою индивидуальность, и для всего общества, аналогичным образом нуждающегося в установлении своего коллективного «лица». Однако героический миф имеет ещё одну особенность. Во многих из этих историй первоначальная слабость героя уравнивается появлением сильных покровителей, опекающих героя и облегчающих ему решение сверхчеловеческих задач, с которыми невозможно справиться без их помощи»⁹.

В античной истории и в обрядах современных первобытных племён содержится богатый материал о мифах и ритуалах посвящения (инициации), проходя через которые юноши и девушки разлучаются с родителями и поневоле становятся членами клана или племени. Но поскольку насильственное отторжение от мира детства принесло бы ущерб изначальному родительскому архетипу, то это обращают во благо через целительный процесс включения в жизнь общины. (Тождественность общины и личности часто символизируется тотемным животным). Таким образом, община исполняет притязания ущемлённого архетипа и становится своего рода вторым родителем, которому молодёжь первоначально приносится в символическую жертву, знаменующую возрождение к новой жизни. В этой драматической, по мнению Юнга, церемонии, очень похожей на жертвоприношение силам, которые могут забрать молодого человека к себе, мы видим, что силу действия изначального архетипа нельзя до конца преодолеть (как это было продемонстрировано при рассмотрении битвы героя с драконом), не почувствовав ущербной отчуждённости от плодотворных сил подсознания.

К.Г. Юнг считает, что «...между героическим мифом и обрядом инициации есть одно бросающееся в глаза отличие. Типичный героический персонаж из сил выбивается, чтобы достичь своей амбициозной цели и в конце концов приходит к ней, пусть ценой немедленного наказания или смерти за свою *hybris*. В противоположность этому в обряде посвящения новообращаемого призывают отказаться от амбиций и всех желаний и покориться суровому испытанию. Он должен желать участвовать в испытании, не надеясь на успех — фактически быть готовым к смерти. И хотя видимая сторона испытания может быть мягкой (длительный пост, лишение зуба, нанесение татуировки) или мучительной (боль от обрезания, надрезания и других увечий), цель всегда одна: вызвать символическое переживание смерти, из которого может возникнуть символическое переживание нового рождения»¹⁰.

Обряд инициации в политической мифологии затрагивал все возрастные категории: торжественный приём в октябрята, пионеры, в ря-

ды ВЛКСМ, в члены Коммунистической партии. Тоталитарный инициационный обряд маркировался определёнными «фишками», «тотемами» (значками, галстуком, комсомольским, партийным билетом и т.д.). Значительная часть участников инициаций вынуждена была отказываться от каких-либо убеждений, зачастую скрывая это.

Тоталитарное государство утрировало принцип монологичности, в качестве разговора с ним допускалась только положительная информация. Тоталитарный миф ничего не скрывал, его функция заключалась в деформации, а не в установлении и показе истины. Помимо этого с первых же шагов пролетарского государства формировалась атрофированная обратная связь, выражавшаяся, например, аплодисментами, хотя допускались другие формы реагирования¹¹.

Высочайшая энергетика и напряжённость мифа позволяли органично вписывать его в любые формы. Былины, героические предания звучали в народной памяти. В ряду с именами Ильи Муромца, Алёши Поповича, Добрыни Никитича, Разина, Пугачёва рождались новые мифы — о Чапаеве, Петьке, Анке-пулемётчице, Будённом.

Политические мифотворцы искажали реальность для достижения определённых политических целей. Для этого появился «советский новояз». Советское государство активно переименовывало окружающий мир. Как отмечает А. Цуладзе, «в реальности советского новояза пульсировала особая жизнь. Советское государство стало активно переименовывать окружающий мир: министры стали наркомками, офицеры — командирами, солдаты — красноармейцами и т.д. По магическому принципу новые слова должны были изменить реальность. Города и улицы переименовывались в честь пролетарских вождей: Ленинград, Сталинград, Киров, Орджоникидзе и т.д. Появились искусственно образованные имена: Эрлен (эра Ленина), Ревдит (революционное дитя), Марксина, Нинела («Ленин» наоборот), Лестан (Ленин и Сталин), Марлен (Маркс, Ленин) и т.д.»¹²

Реальным бытием обладали лишь общие понятия — «универсальный», а индивидуальные, конкретные вещи являлись не более как их «атрибутами». Преобладание вербального над реальным, риторика и пафос побед скрывали истинное состояние дел, вербальное пространство становилось важнее невербального, общество нуждалось в символах. Этапы создания этой символики представлены в работах Л. Троцкого: «Создана была целая наука: фабрикация искусственных репутаций, сочинение фантастических биографий, рекламы вождей по назначению. Особая, малая наука была посвящена вопросу о малом президиуме. Со времён Октября повелось так, что на бесчисленных собраниях в почётный президиум выбирались Ленин и Троцкий. Сочетание этих двух имён входило в разговорную речь, стихи и частушки. Надо было разъединить два имени, хотя бы механически, чтобы затем политически противопоставить их друг другу. Теперь в президиум стали включать всех членов политбюро. Потом стали их размещать по алфавиту. Затем алфавитный порядок был разрушен в пользу новой иерархии вождей. На первое место стали ставить Зиновьева. Пример

подал Петроград. Ещё через некоторое время стали появляться почётные президиумы без Троцкого. Из состава собрания всегда раздавались бурные протесты. Нередко председатель оказывался вынужденным объяснять опущение моего имени недоразумением. Но газетный отчёт, разумеется, умалчивал об этом. Потом первое место стало отводиться Сталину. Если председатель не догадывался провести то, что нужно, его неизменно поправлял газетный отчёт. Карьеры создавались и разрушались в зависимости от расстановки имён в почётном президиуме»¹³.

Для тоталитарной идеологии также была характерна категория **анонимизации**, которую Г. Почепцов характеризует как конструкт, способный объяснить некоторые процессы, связанные с тоталитарной ментальностью. Ситуация в восприятии страны запутывалась окончательно дублированием многих звеньев управления: ЦК — Совмин, обком — облсовет, горком — горсовет, райком — райсовет. По письменному праву власть принадлежала одной структуре, фактически — иной. Поэтому на поверхности всегда было анонимное принятие решений¹⁴.

Новым содержанием в политическом процессе тоталитарного типа заполняется архетип «хорошее/плохое» пространство, иная оценка даётся лидерам-коммунистам, верные ленинцы (хорошие), с одной стороны, и нарушившие принципы ленинизма (плохие) — с другой. Деление на хорошее/плохое пространство — одно из самых архаичных представлений, это отмечает М. Элиаде: «Во вселенной есть центральная область, то есть деревня и обрабатываемые поля, населённые людьми; эта центральная область окружена пустыней, полной камней, болот и плохих лиц»¹⁵. Миф огромным слоем окружает данность.

В основе мифологического восприятия мира лежит его разделение на **Добро и Зло**. Тоталитарный режим, начиная с 20-х гг., усиленно насаждал в роли Зла **кате́го́рию врага**. Год от года она становилась ещё более значимой, широкомасштабной, зловещей («Враги отравили сына Горького», «вражеское окружение», «Тихо! Враг подслушивает!»).

Категория врага была удобна и выгодна тоталитарной системе 20—30-х гг. и тем более 40-х. Результаты тоталитарного руководства не соответствовали реальной действительности, поэтому широко тиражируемый образ врага являлся логическим продолжением тоталитарной модели, а скрытый или явный враг — обязательная атрибутика этой модели. Систематика врагов на протяжении всех лет претерпевала изменения: враг 20-х гг. — буржуазный спец, белогвардейский офицер; враг 30-х гг. — троцкисты, бухаринцы, «кулаки»; враг 40-х — немецкий шпион, враг усиленный, увеличенный, укрупнённый экстремальной ситуацией.

Образ врага как дополнение образа победы усиливался мифологемой меча: «Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет». По мнению Х.Э. Керлот, «...в символике меча присутствует социальный фактор, поскольку меч представлял собой орудие, присущее рыцарю-защитнику света от сил тьмы. Но фактором является и то, что меч играет сходную духовную роль в ритуалах, существовавших на заре времён и сохраняющихся даже

в нынешнем фольклоре: он обладает магической властью отражать силы тьмы, персонифицированные в образе «враждебных мёртвых. Меч благодаря подразумеваемому им «физическому уничтожению» должен быть символом духовных эволюций»¹⁶.

Наивысшей точки, апогея достигает слияние мифа и истории в народном сознании в экстремальных ситуациях войн, революций. Исторические события как бы обрамляются мифическими, и уже этот историко-мифический образ влияет на сознание людей. Тоталитарная система периода Великой Отечественной войны трансформировала формы мифов и символов. В космическом смысле всякая война подразумевает борьбу света против тьмы — добра против зла. Чем справедливее война, тем более она оправдана. Единственным оправданием войны служит сведение многого к единому, т.е. беспорядка к порядку. При таком подходе можно увидеть в войне средство восстановления первоначального порядка, или же своего рода «жертвоприношение», выступающее эхом космогонической жертвы. Человеку надлежит стремиться к достижению внутреннего единства в своих действиях и своих помыслах, а также единства между ними. Единство цели символизируется ритуальной ориентацией, при которой земные «центры» (Полярная звезда либо Восток) становятся зрительными образами подлинного «Центра»¹⁷.

На первый план снова выходит фигура воина. Она символизирует предков или скрытые силы внутри личности, готовые прийти на помощь сознанию. Если воины враждебны, они означают антагонистические силы, — всё равно внутри пределов личности. Данный символизм подобен символике четырёх лучников, защищающих четыре стороны света; «пространства», ставшие независимыми от «центра», служат иллюстрацией тех сил, которые способны как бы восстать против целостности индивида¹⁸. Сюда же добавляется мифологема «пролитая кровь», символ жертвоприношения. Мифоконцепты этой триады — «священная война», «воин-освободитель», «безвинно пролитая кровь» — становятся доминантой политического мифа Великой Отечественной войны. Именно они активно подпитывали историческую память народа, поднимали национальное самосознание, воспитывали патриотизм.

Общество, потребляющее и поставляющее мифы, воспринимает их как индуктивную систему, а значение принимается за систему фактов. Смысл политических мифов выступает как латентный, зависящий от определённых политических ситуаций. Особые формы проблемных ситуаций, выраженные в иносказательной форме, характерны для всех периодов развития общества, а усиление мифологизации жизни в массовом сознании усиливается в периоды социальных катаклизмов, вызывающих к жизни новые комбинации этнических субстанций, преображая их в новые суперэтнические системы, т.е. мы имеем дело с биологическим признаком пассионарности.

Таким образом, ведущий аспект тоталитарного политического мифа определяется тем, что любая картина мира интерпретируется как неизбежно

мифологическая, а миф — как единственный магистральный путь, определяющий дальнейшее движение человеческой мысли. Наука только подтверждает открытия, предвосхищённые в мифе. Человек, существующий в многовариантном и многомерном мире, из зрителя и наблюдателя превращается в активное действующее лицо. Значит, видение мира с позиций постклассической методологии меняет ракурс рассмотрения мифа. Но в политике мы до сих пор не обрели твёрдой почвы и космического порядка. Вера в то, что человек путём умелого использования мифов и ритуалов сумеет изменить ход природных событий, преобладала всегда. В политических действиях мифы и ритуалы продолжают сохранять свои позиции. Но когда их пытаются навязать всей системе политических отношений, то преуспеть они могут только на короткое время.

¹ Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во Сабашникова, 1996. С. 269.

² Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997. С. 109.

³ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 55.

⁴ Мифологему башни образно и ярко иллюстрирует спиральный зикурат Владимира Татлина, первое радение о башне в революционной России. Этот проект дополнялся ещё более фантастическим проектом Б. Иофана Дворца Советов. Классическая сталинская архитектура привязывалась либо к земле, с чётко означаемой горизонталью, либо устремлялась в небо. См.: Громов Е. Власть и искусство. М.: Республика, 1998. С. 177—178.

⁵ См.: Энциклопедия символов, знаков и эмблем. М.: Локид, МИФ, 2000. С. 448.

⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 39.

⁷ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 512.

⁸ Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. С. 313.

⁹ Юнг К.Г. Человек и его символы. С. 109.

¹⁰ Там же. С. 128.

¹¹ Например, стенограмма II съезда Советов: «Каменев, открывая заседание, сообщил, что, во исполнение постановлений съезда, президиум отдал распоряжение в армию об отмене смертной казни, введённой Керенским. (**Продолжительные аплодисменты**). Кроме того, отдано распоряжение об освобождении из тюрем солдат, посаженных туда корниловцами за политические убеждения. (**Аплодисменты**). Слово получает тов. Ленин, встреченный долгими несмолкающими аплодисментами. — Опираясь на волю громадного большинства. Из стенограммы II съезда Советов // Советская Россия. 1988. 7 нояб.

¹² Цуладзе А. Политическая мифология. М.: ЭКСМО «Алгоритм», 2003. С. 93.

¹³ Троицкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск: Кн. изд-во, 1991. С. 473—474.

¹⁴ Почепцов Г. Тоталитарный человек. Киев: Глобус, 1994. С. 61.

¹⁵ Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 223.

¹⁶ Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. С. 321.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Там же. С. 128.

SUMMARY: In this article the author investigates and analyses the main political myths, their transformation and evolution in the totalitarian society. The political myth always seems to be the truth, it manipulates people. The myth is a foundation for creation ideology of the political regime.